

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 4, pp. 678–690, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 94

UDC 94

Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти

Номинь Дондоковна Цыренова¹,
Чингис Цыбикдоржиеевич Цыренов²

Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism and Politics of Memory

Nomin D. Tsyrenova¹,
Chingis Cz. Tsyrenov²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц., 2025

© Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Cz., 2025

Аннотация. Введение. Регион Хулунбуир, расположенный на пересечении монгольских степей, маньчжурских лесов и сибирских просторов, обладает богатой историей культурного взаимодействия. В XXI в. здесь был создан культовый архитектурный проект — садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана». Открытый в 2006 г., этот комплекс стал не только важной туристической достопримечательностью, но и значимым элементом государственной политики памяти Китая, подчеркивающим роль Внутренней Монголии как связующего моста между китайской цивилизацией и наследием кочевых империй. Цель исследования — выявить особенности интеграции монгольского наследия в современный китайский национальный нарратив через призму архитектуры и символизма. Материалы и методы. Материалом исследования служат архитектурный ансамбль на площади

Чингис-хана, двуязычные (на китайском и старомонгольском языках) мемориальные стелы, а также современные туристические и краеведческие источники. В качестве методологической базы использован структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана и Р. Барта, согласно которому объекты рассматриваются как сложные знаковые системы, включающие визуальные, исторические и идеологические коды. *Результаты и обсуждение.* Исследование выявило, что двуязычные тексты стел представляют сложный культурно-исторический феномен, сочетающий эпические предания, официальные хроники и современные мемориальные дискурсы. Архитектурный комплекс функционирует как символ региональной идентичности и одновременно как инструмент государственной политики межэтнической гармонии. Особое внимание уделено символическому смыслу архитектурных форм и текстов, включая цитаты К. Маркса, что подчеркивает идеологическую роль комплекса как инструмента «мягкой силы». Обсуждаются ограничения исследования, связанные с множественностью интерпретаций и динамикой этнокультурных процессов. *Выводы.* Садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» является значимым примером успешной интеграции монгольского исторического наследия в китайский национальный культурный дискурс. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию механизмов формирования региональной идентичности и стратегии культурной политики памяти в многонациональном государстве.

Ключевые слова: политика памяти, Чингис-хан, Хулунбуир, Внутренняя Монголия, садово-парковое искусство, мемориальные стелы

Для цитирования: Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц. Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 678–690. DOI:10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

Abstract. *Introduction.* Hulunbuir, a region located at the crossroads of Mongolian steppes, Manchurian forests, and Siberian expanses, possesses a rich history of cultural interaction. In the 21st century, one of its most iconic architectural projects — the “Genghis Khan Square” garden and park complex — was established and opened in 2006. This complex has become not only an important tourist attraction but also a significant element of China’s state memory policy, emphasizing the role of Inner Mongolia as a bridge between Chinese civilization and the heritage of nomadic empires. The aim of the study is to identify the specific features of integrating Mongolian cultural heritage into the modern Chinese national narrative through the lenses of architecture and symbolism. *Materials and Methods.* The research material includes the architectural ensemble of Genghis Khan Square, bilingual memorial steles (in Chinese and Old Mongolian), as well as current tourist and local history sources. The study employs a structural-semiotic approach developed by Yu. M. Lotman and Roland Barthes, considering the complex as a multifaceted semiotic system combining visual, historical, and ideological codes. *Results and Discussion.* The study reveals that the bilingual texts on the steles represent a complex historical-cultural phenomenon, merging epic narratives, official chronicles, and modern memorial discourse. The architectural complex functions as a symbol of regional identity and simultaneously as an instrument of state policy promoting interethnic harmony. Special attention is paid to the connotative meanings of architectural and textual elements, including quotations from Marks, highlighting the ideological role of the complex as a tool of “soft power.” The discussion addresses research limitations related to the multiplicity of interpretations and the dynamic nature of ethnocultural processes. *Conclusions.* The Genghis Khan Square garden and park complex serves as a significant example of successful integration of Mongolian historical heritage into the Chinese national cultural discourse. The findings contribute to a deeper understanding of mechanisms shaping regional identity and the application of cultural memory policies in a multiethnic state.

Keywords: memory politics, Genghis Khan, Hulunbuir, Inner Mongolia, garden and park art, memorial steles

For citation: Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Cz. Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism, and Politics of Memory. *Mongolian Studies* (Elista). 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 678–690. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-678-690

1. Введение

История монгольской империи и ее основателя, история ее культуры до сих пор привлекают внимание отечественных и зарубежных историков, археологов и общественных деятелей [Базаров 2015; Крадин, Скрынникова 2022; Скрынникова 2023; Барфилд 2009; Уэзерфорд 2008]. В этой связи следует подробно рассмотреть современные культурные дискурсы, в которых используются символы, относящиеся к эпохе монгольской империи.

Хулунбуир в настоящее время — городской округ с многовековой историей, расположенный на стыке монгольских степей, маньчжурских лесов и сибирских просторов. В 2006 г. здесь был создан один из самых символичных архитектурных проектов XXI в. — садово-парковый комплекс «Парк-площадь Чингис-хана». Он стал не только туристической достопримечательностью, но и важным элементом государственной политики памяти, подчеркивающим роль Внутренней Монголии как моста между китайской цивилизацией и наследием кочевых империй.

Топоним Хулунбуир этимологически происходит от названий двух небольших озер — Хулун-нур и Буир-нур. Эта местность веками оставалась зоной взаимодействия кочевых культур. Основной питающей рекой озера Хулун-нур является река Керulen (монг. Хэрлэн-гол), исток которой находится на юго-восточных склонах гор Хэнтэй, близ знаменитой горы Бурхан-Халдун, где, согласно преданию, родился сам Чингис-хан. В картине мира средневековых монголов гора Бурхан-Халдун была одним из сакральных центров.

По данным Рашид ад-Дина («Сборник летописей» — «Джами аттеварих»), на склоне горы Бурхан-Халдун покойится тело самого Чингис-хана, его сына Толуя и его потомков [Рашид ад-Дин 1952 : 125]. Место их погребения, получившее название «Их хориг» («Великий заповедник»), охранялось особой тысячей воинов из племени урянхат (монголы-урянхайцы) [Кычанов 1995: 211].

В древности в районе озера Хулунь кочевали племена дунху (кит. 东胡 dōnghú), позже — племена сюнну (кит. 匈奴 xiōngnú) и сяньбийцы (кит. 鲜卑 xiānbēi, xiānbī), в эпоху Юань — монгольские народы, а при маньчжуро-китайской династии Цин регион Хулунбуир стал плавильным котлом для солонов, дауров и баргутов. Согласно «Сокровенному сказанию монголов», именно в этих степях, на реке Онон, родился Тэмуджин — будущий Чингис-хан [Сокровенное 1941: 85]. Хотя точное место его рождения остается предметом дискуссий (версии включают Забайкалье и Монголию [Палладий 1866: 3–4; Владимирцов 1922: 12; Козин 1941: 185; Матусовский 1946: 327–330]), власти Хулунбуира активно используют эту связь в своих исторических нарративах и публикациях.

Городской округ Хулунбуир, расположенный на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия КНР, занимает стратегическое положение на границе с Россией (Забайкальский край) и Монголией. Административно он разделен на 14 территориальных единиц, включая 2 района городского подчинения (Хайлар и Чжаланьтунь), 5 городов (Маньчжоули, Якэши, Гэнъхэ, Эргуна и

Аргунь) и 7 хошунов (Ажун-ци, Синь-Барга-Юци, Синь-Барга-Цзоци, Чэнь-Барга-Ци, Эвенкийский автономный хошун, Орочонский автономный хошун, Мори-дава Даур-ци) [Li 2022]. При этом сам садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» и все правительственные учреждения Хулунбуира расположены именно на территории Хайлара (центральный район города Хулунбуир)¹.

По данным переписи 2020 г., население городского округа Хулунбуир составляет 2,24 млн человек, при этом плотность населения крайне неравномерна: от 15 чел. / км² в сельских хошунах до 200 чел./км² в Хайларе. По состоянию на конец 2020 г. этнический состав городского населения Хулунбуира был представлен ханьцами (1 млн 796 тыс. чел., около 80,1 %), монголами (237,4 тыс. чел., или 10,6 %), а также малыми группами дауров, эвенков, ороченов и русских [Li 2022].

В XX в. город, носивший название Хайлар, стал ареной геополитических столкновений: японская оккупация (1931–1945), советско-китайское сотрудничество и, наконец, интеграция в состав КНР. Городское поселение Хайлар было основано в 1732 г. под названием Хулунбуир при императоре Юнчжэне как цинский военный пост и важный узел региональных торговых путей. Сегодня Хайлар — административный центр с населением 269 тыс. человек.

Хайлар играет ключевую роль в регионе. Здесь, как и во многих современных городах Китая, преобладает ханьское население (88 %), вместе с тем сохраняются значимые общины монголов (около 7 %) и эвенков (около 3 %). Так, монгольские кафе здесь соседствуют с ханьскими чайными и эвенкийскими закусочными, и все вместе они интегрированы в разнообразные туристические маршруты. Хайлар — центр лесной промышленности и сельского хозяйства, но с начала 2000-х гг. акцент был смешен на туризм. Здесь расположены такие объекты, как Национальный лесной парк Хайлар, где сохранились реликтовые лиственницы, и Мемориальный парк Всемирной антифашистской войны, посвященный боям с японской Квантунской армией [Dong 2022].

Таким образом, Хайлар служит микрокосмом процессов, характерных для Внутренней Монголии: баланс между модернизацией и сохранением этнического многообразия остается ключевым вызовом для властей и местных сообществ.

Особое место в архитектурном облике Хулунбуира занимает парк-площадь Чингис-хана. Идея его строительства возникла после успешной премьеры 30-серийного телефильма «Чингис-хан» (2004), снятого при поддержке CCTV и телевидения Внутренней Монголии. Сериал, достигший рейтинга 9,07 % и получивший национальную премию «Летящие апсары», реанимировал интерес к фигуре Чингис-хана как объединителя народов Евразии. Это совпало с курсом КНР на консолидацию многонационального государства через включение этнических нарративов в общегосударственный контекст. Китайский сериал «Чингис-хан» не просто рассказывает историю великого завоевателя, но и встраивает его наследие в современную политику памяти Китая, где история становится инструментом идеологии, национального единства и мягкой силы.

В фильме подчеркивается, что Чингис-хан и его империя, несмотря на монгольское происхождение, — часть китайской истории, что отражает офици-

¹ Что касается этимологии топонима Хайлар, то в китайских работах она связывается со словом *хайлан*, что в переводе с монгольского и эвенкийского языков переводится как «черемша» (*野韭菜* xióngsâng). В соответствующей словарной статье «Большого академического монгольско-русского словаря» приводится такое же значение: *хайлар* ‘черемша, медвежий лук’ [БАМРС 2001: 403].

альную позицию КНР, которая трактует завоевание Китая монголами в XIII в. как этап формирования «многонационального государства» под эгидой династии Юань. Таким образом, Чингис-хан становится символом единства Китая, Внутренней Монголии и других регионов. Монгольский культ Чингис-хана используется для укрепления лояльности монгольского меньшинства через демонстрацию того, что его наследие не подвержено какой-либо угрозе и почитаемо в рамках китайского государства.

Китайская политика памяти стремится к созданию образа «гармоничного» многонационального общества. Создатели сериала, вероятно, намеренно избегают острых тем, таких как жестокость завоеваний, делая акцент на административных реформах Чингис-хана (например, Великая Яса) и культурном обмене. Это перекликается с взятым современным курсом на «социалистическую духовную цивилизацию», где прошлое служит опорой для сохранения стабильности.

Сериал «Чингис-хан» — это не просто историческая драма, а часть стратегии «gu wei jin yong 古为今用» («использовать прошлое для нужд настоящего»). Через него Китай легитимирует свои внутренние и внешние политические проекты, превращая фигуру завоевателя в символ единства, контроля и мягкой силы. Критики, однако, отмечают, что такая интерпретация игнорирует колониальный контекст монгольского владычества и современные проблемы этнических меньшинств.

2. Материалы и методы

В основу исследования садово-паркового комплекса «Площадь Чингис-хана» положен структурно-семиотический подход, разработанный Ю. М. Лотманом в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [Лотман 1992: 9–21] и Роланом Бартом «Империя знаков» [Барт 2023].

В качестве материала для исследования парка-площади Чингис-хана использовались личные авторские фотографии, отражающие общую топографию архитектурных объектов площади, отдельные скульптурные композиции и тексты на памятных стелах, а также информационные тексты на китайских туристических сайтах. Ю. М. Лотман рассматривает город как сложный семиотический объект, который можно «читать» через его архитектуру, планировку и культурные мифы. Он применяет структурно-семиотический подход, воспринимая город как знаковую систему, где элементы (улицы, памятники, названия) несут культурные смыслы, как пространственный текст, который организуется по законам семиотики (оппозиции центр / периферия, сакральное / профane), как динамическую модель, где символы эволюционируют под влиянием истории и литературы. Он сочетает анализ архитектурных форм, исторических контекстов и литературных презентаций (от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского), чтобы раскрыть многослойность городской семиотики [Лотман 1992: 177].

Р. Барт предлагает рассматривать культурные объекты как системы знаков, где каждый элемент (архитектурная форма, символ, ландшафт) наделяется смыслом через взаимодействие с другими элементами и контекстом [Барт 2023: 142]. Относительно парка-площади Чингис-хана это означает анализ не только ее визуальных компонентов, но и их роли в конструировании идеологических нарративов. Метод Р. Барта акцентирует двойственность знака — сочетание денотативного (прямого) и коннотативного (символического) уровней. Например, монумент Чингис-хана

трактуется не только как скульптура всадника (денотация), но и как мифологизированный образ, связывающий монгольское наследие с концепцией «единого многонационального Китая» (коннотация). С методологических позиций Р. Барта можно сказать, что площадь Чингис-хана представляет собой культурно-идеологический текст, направленный на гармонизацию межэтнических отношений в рамках регионального и общекитайского полигэтнического азиатского социума.

Применяя бартовскую концепцию «мифа» как вторичной семиотической системы, парк-площадь Чингис-хана можно интерпретировать как пространство, где история перекодируется в идеологический инструмент. Архитектурные элементы — стела с цитатой Карла Маркса, «Девять белых бунчуков» — образуют семиотическую сеть, транслирующую идею преемственности между имперским прошлым и современной политикой КНР. Р. Барт подчеркивает, что миф позволяет «натурализовать» идеологию, маскируя историческую условность идеологических тезисов [Барт 1996: 282–283]. Так, синтез китайских садовых традиций с монгольской символикой на площади подается не как политический проект, а как «органичное» единство, слаживающее этнокультурные противоречия.

Следуя логике Р. Барта, парк-площадь Чингис-хана «прочитывается» как текст, где пересекаются коды разных культур. Северный стиль садово-паркового искусства (полихромия, масштабность) сочетается с монгольскими архетипами (обоо, всадники), а марксистская цитата вписана в традиционный ландшафт. Такой анализ позволяет выявить механизмы гибридизации, через которые власть легитимирует свою роль арбитра между прошлым и настоящим. Бартовский подход, фокусирующийся на множественности смыслов, помогает избежать упрощенных трактовок, демонстрируя, как пространство становится полем символической борьбы за историческую память и идентичность.

3. Результаты исследования

Парк-площадь Чингис-хана, занимающий 230 тыс. м², разделен рекой «626» (протока реки Иминьхэ) на две зоны:

- северная зона ансамбля — мемориально-историческая, с визуальной доминантой в виде монументальной скульптуры Чингис-хана, восседающего на вздыбленном коне и обращенного лицом к востоку. При этом фигура всадника установлена на расписной золотистой колонне высотой в 22 м и диаметром в 3 м. Примечательно, что данная сложная композиция была возведена в июле 2007 г. всего за один месяц;

- южная зона архитектурного ансамбля — эколого-ботанический сад «Тяньцзяо», демонстрирующий флору Внутренней Монголии. При этом с южной стороны сада находится одноименная гостиница, что говорит о прагматическом подходе городских властей, совмещающих культурно-символические, экологические и финансовые преимущества рассматриваемого архитектурного объекта (см. рис. 1).

Все строительные работы по созданию первоначального облика данного комплекса были начаты в 2002 г., и в том же году были завершены. Позднее городские власти Хулунбуира в разные годы дополняли архитектурный ансамбль отдельными стелами и скульптурными композициями.

Север

Садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана»

17 стел: 12 двуязычных (исторические справки о ближайших родственниках и женах Чингис-хана) и 5 одноязычных (цитата К. Маркса на китайском и билики Чингис-хана)

Река «626»

Пейзажный

мостик

Хайларский эколого-ботанический сад-парк «Тяньцзяо» («Вождь-воитель»)

Юг

Рис. 1. Схематичная структура архитектурного ансамбля «Парк-площадь Чингис-хана»

Fig. 1. Schematic structure of the architectural ensemble «Genghis Khan Park Square»

Текст на двуязычных стелах располагается следующим образом: на правой части стел размещен китайский текст, на левой — вертикальный текст на старомонгольской письменности. Среди названий стел есть: «Меткий лучник Хасар», «Поход», «Помолвка с племенем унгиратов», «Заслуга матери», «Есугей-багатур и Оэлун», «Жены-наложницы Есуй и Есуган», «Встреча новобрачной-Борте», «Чингис-хан» (краткая историческая информация), «Битва на реке Тэнихэ».

Здесь следует пояснить, что под битвой на реке Тэнихэ подразумевается битва, произошедшая в районе современной реки Хайлар. В 1201 г. в ходе войны за объединение монгольских племен Тэмуджин (Чингис-хан) разгромил войска Джамухи в сражении на реке Тэнихэ (ныне — река Моргол, северный приток реки Хайлархэ). Джамуха, стремясь противостоять растущей власти Тэмуджина, собрал вождей разрозненных племен и был ими провозглашен Гур-ханом («Всеобщим ханом») с пожалованием ему титула, подчеркивавшего его претензии на верховную власть над монголами. После поражения в битве на реке Тэнихэ Джамуха утратил политическое влияние, а его коалиция распалась. Тэмуджин, укрепив свои позиции, вскоре одержал победу в битве при Койтене (монг. Хүйтэн), что стало ключевым моментом в процессе консолидации монгольских племен [Крадин, Скрынникова 2006: 100–110].

Для примера более подробно рассмотрим двуязычную стелу горизонтального формата под названием «Рождение Тэмуджина». На ней зафиксирована краткая историческую справка о месте и времени рождения великого завоевателя на китайском и старомонгольском языках:

«Осенью 1162 года, когда Есугей снова предпринял военный поход против татар, его жена Оэлун в урочище Делюн-Болдок, что на берегу реки Онон, родила мальчика. Есугей одержал крупную победу и торжественно вернулся из похода вместе с плененным татарским вождем по имени Тэмуджин. В честь этой великой победы Есугей решил назвать новорожденного сына именем плененного врага».

В результате источниковедческого, лингвистического, структурно-семиотического и культурологического анализа текста, размещенного на данной стеле, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, текст на стеле, установленной в парке-площади Чингис-хана в Хулунбуире, представляет собой важный историко-культурный памятник, зафиксированный на китайском и старомонгольском языках. Его содержание, повествующее о рождении Тэмуджина (Чингис-хана) в 1162 г. на берегу реки Онон в урочище Делюн-Болдок, обладает глубоким символическим значением,

отражающим как эпическую традицию монгольского народа, так и современные процессы конструирования исторической памяти.

Во-вторых, лингвистический анализ текста позволил выявить тщательный отбор лексики, направленной на создание героического нарратива. Топоним Делюн-Болдок (монг. Дэлүүн Болдог), известный по «Сокровенному сказанию монголов», сохраняет архаичную форму, что усиливает связь с традиционной монгольской историографией. Имя Тэмуджин, по одной из версий [Козин 1941: 185], этимологически восходящее к монгольскому слову *төмөр* ‘железо’ с суффиксом -чин, подчеркивает не только воинскую доблесть, но и символическую преемственность: наречие младенца именем побежденного татарского вождя отражает древнюю кочевую традицию присвоения силы поверженного врага [Крадин, Скрынникова 2022: 98].

В-третьих, семиотическая структура текста построена на сочетании эпических и исторических элементов. Центральная оппозиция «победа – рождение» связывает военный триумф Есугей-багатура с появлением на свет будущего объединителя Монголии, что характерно для героических сказаний. Упоминание реки Онон, сакрального места в монгольской традиции, и осени как времени года (периода завершения военных походов) добавляет тексту мифологическую глубину, превращая историческое событие в часть циклического восприятия времени.

В-четвертых, культурологический анализ текста в контексте его расположения в Хулунбуире — регионе, где монгольская община является значимой, — позволяет говорить о его ключевой роли в формировании локальной идентичности. С одной стороны, стела апеллирует к традиционному монгольскому историческому сознанию, подчеркивая связь города с наследием Чингис-хана. С другой стороны, ее присутствие в публичном пространстве современного Китая демонстрирует политику гармонизации этнических нарративов, где фигура Чингис-хана одновременно является символом монгольской славы и частью общегосударственного культурного достояния. Текст на стеле, таким образом, функционирует как многослойный историко-идеологический конструкт: он сохраняет память о прошлом, легитимирует современные культурные практики и служит инструментом консолидации многонационального сообщества Хулунбуира.

Таким образом, анализ текста на стеле в парке-площади Чингис-хана в Хулунбуире показывает, что он представляет собой сложный историко-культурный феномен. Сочетая в себе элементы эпического сказания, официальной хроники и современного мемориального дискурса, этот памятник выполняет важную роль в сохранении исторической памяти, формировании региональной идентичности и интеграции монгольского наследия в общекитайское культурное пространство. Его расположение в центре городского пространства лишь усиливает эту многогранность, превращая стелу в ключевой символ, связывающий прошлое, настоящее и будущее.

Также необходимо кратко рассмотреть стелу с размещенной на ней цитатой Карла Маркса на китайском языке. Надпись, гласящая, что «Чингис-хан, всю жизнь проведший в военных походах, посвятил себя объединению монгольских племен и борьбе за единство Китая¹. Три поколения его потомков сражались

¹ В тексте данной цитаты, приписанной К. Марксу, не вполне ясно, как единство Китая было связано с целями и задачами Чингис-хана. Очевидно, что в данном случае трактовка деятельности Чингис-хана и его преемников как борьбы за «единство

в течение 60–70 лет, покорив в итоге более 720 народов», легитимирует монгольские завоевания как часть мировой истории и вписывает их в марксистскую концепцию исторического материализма. При этом следует отметить, что источник цитаты на стеле не указан. В китайских интернет-публикациях, посвященных истории и культуре монгольской династии Юань, в качестве источника указывается сборник статей и черновых записей К. Маркса под названием «Хронологические выписки по истории Индии (664–1858 гг.)», написанных в 1857 г. и вошедших в 12-й том Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [Zhu 2006: 27]. В результате проведенного нами источниковедческого анализа 12-го тома полного собрания сочинений Карла Маркса на русском и китайском языках было установлено, что такой цитаты в указанном volume нет [Маркс 1957; Makesi 2009].

Другим важным объектом историко-источниковедческого анализа является текст на информационном стенде, расположеннем на площади. В нем говорится о том, что в 2017 г. городские власти установили скульптуру «Кречет» (кит. 海东青 hǎidōngqīng), а также скульптурную конную группу полководцев во главе с Чингис-ханом и его братом Хасаром.

Помимо этого, следует сказать о месте религиозного поклонения под названием «Баян-Эрдэни обоо», представляющем собой синтез традиций монгольского шаманизма и современной туристической индустрии. Посетители оставляют здесь шелковые шарфы-хадаки с молитвами, что превращает памятник в живой элемент культурного диалога.

В западной части парка-площади установлена 85-метровая мраморная барельефная композиция высотой 2,5 м под названием «Чингис-хан и Хулунбуир» (成吉思汗与呼伦贝尔 Chéngjíshán yǔ Hūlúnbēiér), отображающая важные исторические сцены. В 200 м к северо-западу возвышается масштабная бронзовая скульптурная группа «Поход» (кит. 征 zhēng). На ней изображены десять неспешно движущихся всадников, а именно Чингис-хан и его брат Хасар (кит. 合撒儿 Hésāér), а также «Четыре Пса» (кит. 四獒 sì áo) и «Четыре Богатыря» (кит. 四杰 sì jié). «Четыре верных пса» — это Мухали (кит. 木华黎 Mùhuálí), Боорчу (кит. 博尔术 Bó'ěrshú), Борохул (кит. 博尔忽 Bó'ěrhū) и Чилаун (кит. 赤老温 Chǐlǎowēn), а «Четыре выдающихся богатыря» — это Джелме (кит. 者勒蔑 Zhělèmiè), Хубилай (кит. 忽必来 Hūbìlái) (не путать с Хубилаем, основателем династии Юань), Джебе (кит. 哲别 Zhébié), Субэдэй (кит. 速不台 Sùbùtái). Все названные лица являлись ближайшими нукерами-соратниками Чингис-хана. В целом для архитектурного ансамбля парка-площади характерен синтез китайской и монгольской культурных традиций. Эти объекты формируют смысловое ядро мемориального комплекса, гармонично сочетаясь со следующими структурными элементами общей композиции площади.

В соответствии с типологией стилей садово-паркового искусства китаеведа-культуролога В. Г. Белозеровой [Белозерова 2010: 89–100], парк-площадь Чингис-хана выполнен в северном стиле китайской традиции, для которого

Китая» является ретроспективной проекцией современной историко-политической концепции «единого многонационального китайского государства» на события XIII в. Концептуальное включение Монгольской империи (Юань) в последовательность китайских династий оформилось значительно позднее и служит важным элементом современной китайской историографии и мемориальной культуры.

характерны определенные черты. Во-первых, это полихромия, а именно яркие краски скульптур, контрастирующие с зеленью газонов. Во-вторых, это масштабность, широкие площади и монументальные формы. В-третьих, это символический ландшафт, река «Люэрлю-хэ» имитирует природные водные артерии, а пейзажный мостик в форме радуги можно интерпретировать как намек на китайскую идею гармонии и символ синтеза ханьской и монгольской культурной традиции.

Что касается эколого-ботанического сада «Тяньцзяо» («Вождь-воитель»), то он, как было сказано выше, расположен к югу от площади Чингис-хана, пройти туда можно через небольшой пейзажный мостик над небольшой рекой Люэрлю-хэ. Общая площадь сада Тяньцзяо составляет 195 000 м². В нем представлено растительное разнообразие, характерное для природной среды Хулунбуира. Зеленые насаждения, составляющие 70 % от всей площади сада, являются зелеными легкими города Хулунбуир.

Прямо перед садом Тяньцзяо расположен огромный свето-музыкальный фонтан диаметром в 30 м — самый большой фонтан в Хулунбуире. Летними вечерами полюбоваться на него приезжают тысячи туристов и горожан. Справа находится детский парк развлечений с большим количеством детских объектов, включая электромобили, инерционные американские горки и т. д. Каждый день здесь весело проводят время множество детей. Таким образом, можно с полным правом сказать, что парк-площадь Чингис-хана для жителей города Хулунбуир стал излюбленным местом их семейного отдыха.

4. Выводы

Результаты проведенного архитектурно-семиотического анализа ярко отражают специфику официальной политики памяти китайских властей в отношении наследия Великой монгольской империи.

Можно со всей определенностью сказать, что создание парка-площади Чингис-хана — часть стратегии КНР по интеграции этнических меньшинств в рамках гражданского национализма. Чингис-хан трактуется не как «внешний завоеватель», а как предтеча династии Юань, официально признанной китайской династией.

Однако эта политика не лишена противоречий. Часть монгольской интеллигенции критикует коммерциализацию наследия и «синификацию» образа Чингис-хана. Например, цитата К. Маркса на стеле призвана нейтрализовать образ Чингис-хана как «варвара», однако не учитывает его роль в покорении китайской империи Сун и жестоком угнетении китайских подданных.

Садово-парковый комплекс «Площадь Чингис-хана» — это микрокосм современного Китая, где переплетаются история, идеология и экономика. Архитектурный ансамбль служит не только местом отдыха, но и инструментом мягкой силы, продвигающим идею «единой многонациональной семьи». Парк-площадь Чингис-хана стал символом и визитной карточкой города Хулунбуир.

При этом следует сказать, что долгосрочный успех этого проекта зависит от динамики баланса между этнической аутентичностью монголов и обще-государственной китайской гражданской идентичностью. Как отмечают исследователи, будущее парка связано с его способностью оставаться «живым пространством» — местом, где история не застывает в камне, но продолжает межкультурный диалог с современностью.

Таким образом, данный объект выполняет три основных функции. Первая функция — это закрепление и обоснование культурного синтеза китайско-монгольских этнических традиций и примирение двух этносов. Вторая функция — это место проведения летних и зимних культурно-досуговых мероприятий для семейного отдыха, а также разного рода городских ярмарок и этнофестивалей. Третья функция — это инкорпорация марксистских идеологических концепций в массовое сознание китайского и монгольского населения.

Источники

Сокровенное 1941 — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un nihuča tobčiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. И. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Sources

A Secret History. The Mongol Chronicle of 1240 under the Title Mongol-un nihuča tobčiyan. Yuan chao bi shi. The Mongolian Everyday Election Book. Vol. I. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, Glossaries A. Barannikov (ed.); N. Poppe (pref.), Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)

Литература

Базаров 2015 — Базаров Б. В. Военно-административная организация монгольской империи // Власть. 2015. № 2 С. 168–172.

Барт 1996 — Барт Р. Миѳологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Барт 2023 — Барт Р. Империя знаков / пер. Я. Янпольской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 168 с.

Барфилд 2009 — Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб.: Нестор-История, 2009. 488 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 тт. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пүрбэев. М.: Academia, 2001. 532 с.

Белозерова 2010 — Белозерова В. Г. Сады и парки // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 тт. + доп. том / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 6 (дополн.): Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2010. С. 89–100.

References

Bazarov B. V. Military and Administrative Organization of the Mongol Empire. *Vlast'*. 2015. No. 2. Pp. 168-172. (In Russ.)

Bart R. Mythologies. Transl. from Fr., foreword and comm. by S. N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publ., 1996. (Series “Anatomy of Myth”). 312 p. (In Russ.)

Barthes R. Empire of Signs. Ya. Yanpol'skaya (trans.). Moscow: Ad Marginem Press, 2023. 168 p. (In Russ.)

Barfield T. J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BC to AD 1757) / D. Rukhlyadev, V. Kuznetsov (transl. from English); D. Rukhlyadev (scientific ed. and pref.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. 488 p. (The “Nomadica” series) (In Russ.).

The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. Х–Я. G. Ts. Purbee (ed.). Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Russ.)

Belozerova V. G. Gardens and Parks. In: Spiritual Culture of China: Encyclopedia. In 5 vols. + add. vol. M. Titarenko (ed.). Vol. 6 (add.): Art. M. Titarenko et al. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. Pp. 89–100. (In Russ.)

- Владимирцов 1922 — *Владимирцов Б. Я. Чингис-хан*. Берлин; Пг; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 176 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.*
- Крадин, Скрынникова 2006 — *Крайн Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
- Крадин, Скрынникова 2022 — *Крайн Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана*. 2-е изд., доп. М.: Академический Проект, 2022. 598 с.
- Кычанов 1995 — *Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М.: Вост. лит., 1995. 273 с.
- Маркс 1957 — *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. В 50 тт. Изд. 2-е. Т. 12. М.: Политиздат, 1957. 910 с.
- Матусовский 1946 — *Матусовский Г. Е. Историческая география. Место рождения Чингисхана // Известия Всесоюзного географического общества*. 1946. Т. 78. Вып. 3. С. 327–330.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи*. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9–21.
- Палладий 1866 — *Палладий (Кафаров П. И.). Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине*. Т. 4. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1866. 257 с.
- Рашид ад-Дин 1952 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 220 с.
- Vladimirsov B. Ya. *Genghis Khan*. Berlin; Petrograd; Moscow: Z. I. Grzhebin, 1922. 176 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. *Secret History. Mongolian Chronicle of 1240. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *Genghis Khan's Empire*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 557 p. (In Russ.)
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *The Genghis Khan Empire*. 2nd ed., add. Moscow: Academic Project, 2022. 598 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. *The Life of Temujin, who Thought to Conquer the World*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. 273 p. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. *Works*. In 50 vols. Ed. 2. Vol. 12. Moscow: Politizdat, 1957. 910 p. (In Russ.)
- Matusovsky G. Ye. *Historical Geography. The Birthplace of Genghis Khan*. In: *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1946. Vol. 78. Is. 3. Pp. 327–330. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. *The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City*. In: *Lotman Yu. M. Selected Articles*. Vol. 2. Tallinn: Alexandra, 1992. Pp. 9–21. (In Russ.)
- Palladius (Kafarov). [An Ancient Mongolian Legend about Genghis Khan] // *Trudy Chlenov Rossiiyskoy Dukhovnoy Missii v Pekine*. Vol. 4. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1866. 257 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 1. Book 1. Trans. from Pers. by L. A. Khetagurov; ed. and notes by A. A. Semenov; resp. ed. S. P. Tolstov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 220 p. (In Russ.)

- Скрынникова 2023 — Скрынникова Т. Д. Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской летописной традиции // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 184–193. DOI: 10.14258/nreur(2023)3-08
- Уэзерфорд 2008 — Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира / пер. с англ. Е. Лихтенштейна. М.: ACT; Владимир: ВКТ, 2008. 493 с.
- Dong 2022 — 佟乌力吉, 李百岁. 海拉尔区 (= Хайлар) [электронный ресурс] // Большая китайская энциклопедия. URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198056&Type=bkzyb&SubID=139585> (дата обращения: 13.04.2025).
- Li 2022 — 李柱臣. 呼伦贝尔市 (= Хулунбуйр) [электронный ресурс] // Большая китайская энциклопедия. URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198055&Type=bkzyb&SubID=139585> (дата обращения: 13.01.2025).
- Makesi 2009 —马克思恩格斯全集. 第十二卷 / 中共中央马克思恩格斯列宁斯大林著作编译局编译 (=Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса / Управление ЦК КПК по переводу и изданию трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина). Пекин: Жэньминьчубаньшэ, 2009. 930 с.
- Zhu 2006 — 朱耀廷. 正说元朝十五帝 (= Каноническая история 15 императоров династии Юань). Пекин: Чжунхуашуцзюй, 2006. 256 с.
- Skrynnikova T. D. The Title “Khagan” — a Marker of Supreme Power in the Mongolian Chronicle Tradition. *Nations and Religions of the Eurasia*. 2023. Vol. 28. No. 3. Pp. 184–193. (In Russ.). DOI: 10.14258/nreur(2023)3-08
- Weatherford J. Genghis Khan and the Birth of the Modern World E. Lichtenstein (transl. from English). Moscow: ACT; Vladimir: CGT, 2008. 493 p. (In Russ.)
- Dong. Hailar. In: Great Chinese Encyclopedia. Available at: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198056&Type=bkzyb&SubID=139585> (accessed: 13 April 2025). (In Chin.)
- Li. Hulunbuir. In: The Great Chinese Encyclopedia Available at: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=198055&Type=bkzyb&SubID=139585> (accessed: 13 January 2025) (In Chin.)
- The Complete Works of Marks and Engels. Management of the CPC Central Committee for the Translation and Publication of the Works of Marks, Engels, Lenin and Stalin). Beijing: Renmin Chubanshe, 2009. 930 p. (In Chin.)
- Zhu. Canonical History of the 15 Emperors of the Yuan Dynasty. Beijing: Zhonghua shuju, 2006. 256 p. (In Chin.)